

ВОСПОМИНАНИЯ

Расстрелянное детство

В канун Дня Независимости своими воспоминаниями о начале Великой Отечественной войны поделилась гомельчанка Елена Михайловна БРОЙДО. В 1941 году ей исполнилось всего 6 лет.

Детская память — самая цепкая, но хранит она не все, а самое важное, самое впечатляющее. Вот и мне шесть довоенных лет помнятся отдельными эпизодами.

Лето мы всегда проводили у бабушки. Домик лесника и сейчас стоит почти у самого шоссе Гомель — Чернигов. Ежегодно направляю по этой дороге на могилу матери и не могу сдержать волнение, проезжая место, где раздался первый выстрел по моему детству.

РАССТРЕЛ ПЕРВЫЙ

Шел август 1941 года, гитлеровцы приближались к Гомелю. Вокруг города народ поспешно рыл противотанковые рвы и траншеи. Началась эвакуация оборудования и материальных ценностей. Сплошным потоком в украинском направлении двигались груженные машины, воинские части, мирное население.

Город ежедневно подвергался налетам фашистской авиации. Однажды утром быстро нарастающий вой самолетов раздался прямо над нашим домиком. Бабушка заставила маму с нами, детьми, прыгнуть в подпол, а сверху набросала подушки. Взрывы оглушали один за другим. Фашистские самолеты, сбросив бомбы на город, разворачивались и, пролетая над шоссе, опускались ниже, открывая по беззащитным людям пулеметный огонь.

Мимо дома пробежал красноармеец и крикнул: "Тетька, наверное, вашего хозяина убили...". Дед утром погнал коров на пастбище. Отчаянный крик бабушки заставил и нас высочить из подпола. Мама с 4-летней Наташей осталась дома. А я побежала за бабушкой, стараясь не отставать от неё. Но уже вскоре остановилась, закрыв глаза и уши.

На шоссе стоял сплошной стон-крик, плач, мычание и ржание. По всему полотну дороги и на обочинах лежали убитые, валялись руки, ноги, головы. Кричали дети, оставшиеся в живых, в ужасе бегущие неизвестно куда, скользя по ручейкам стекающей с шоссе крови.

Я тоже в страхе бросилась к бабушке. Она стояла на опушке леса на коленях, крестясь и пытаясь перевернуть безжизненное тело деда, упавшего навзничь.

Рядом лежала одна убитая корова, другая едва держалась на трех ногах — четвертую срезало осколком бомбы. Ее вымя истекало кровью, смешанной с молоком. Корова негромко мычала, будто не хотела испугать стоящего рядом теленка, заливая рану на его боку и... плакала: из ее глаз скатывались крупные слезы, в которых отражалось палящее летнее солнце.

Ненадолго установившаяся тишина вдруг вновь была нарушена гулом приближающихся самолетов. Мы упали на землю возле кустов. Едва бомбардировка прекратилась, я стала помогать бабушке откапываться — взрывная волна присыпала ее землей. Стоны почти стихли, ручьи крови стали полнее. Ни в одном произведении, ни в одном фильме, рассказывающем о войне, я не видела подобной картины.

РАССТРЕЛ ВТОРОЙ

Деда, Петра Ефимовича Цакунова, скармливали в деревне Терешковичи. От дороги, которую постоянно бомбили, бабушка решила перебраться за 2-2,5 километра, в Новобелицкую МТС. Почти все люди и оборудование отсюда были уже эвакуированы. Мы поселились в 4-квартирном доме, где жили две семьи таких же беженцев. Зарево над Гомелем не угасало — фашисты ежедневно массово бомбили город. Скоро он был занят немцами, но не покорен. Из случайно услышанных разговоров мы поняли, что подпольщики и партизаны не дают покоя оккупантам. В МТС часто приходили какие-то люди, о чем-то договаривались со взрослыми и также быстро уходили.

Однажды утром к нашему дому приполз раненый партизан. Его приютила соседка тетя Маруся (позднее мы узнали, что Мария Ефимовна Сибилева, как и наша мама Анна Петровна Недосекина, была связанной партизанского отряда). Идти боец не мог — было разбито колено. Бабушка стала лечить его народными

средствами. Помню его необычное имя — Шавдия и нетипичный для нас облик — смуглый, волосы черные.

Все понимали опасность, грозящую семьям, но никто и не подумал, что можно поступить иначе. Как не заподозрили, что женщина с двумя детьми, которая поселилась в последней квартире, может выдать соотечественников.

Февральским утром 1942 года раздался одновременный стук в три квартиры. Бабушка увидела полицейских (эсэсовцы стояли в оцеплении вокруг дома). Мама помогла спуститься в подпол партизану, набросив на крышку половичок. Открыли дверь, которую все равно бы выломали. Полиции потребовали показать подпол. Мама сказала: "Я стою на нем".

Вдруг раздался звук выстрела из другой квартиры. Как оказалось, Шавдия, не зная, что полиция нагрянула одновременно во все квартиры, переполз в подпол тети Маруси, который полиция открыла раньше нашего. Единственным патроном, который оставался у него в пистолете, партизан убил врага. Тотчас же полиция вытолкала жильцов из квартир.

Семеро детей и четыре женщины были поставлены вдоль стены дома. Младшие плакали, старшие бессильно молчали. Дом обложили соломой, облили бензином и подожгли.

Маму и тетю Марусю эсэсовцы затолкали в закрытую машину. Растерянные, дети замерли на снегу, даже не попытавшись отбежать от пылающего дома. За каждым из нас стоял полицейский.

Вдруг соседка тетя Лена (с символической фамилией Доля), у которой было трое ребятишек, упала на колени перед немецким офицером, моля его сохранить жизнь невинным малышам. По отрывистым командам она догадалась, что детей должны поддеть на штыки и бросить в огонь, а вслед за ними расстрелять и взрослых. Пока переводчик объяснял рыдание-молитву женщины немцу, на его лице отражались различные чувства. Возможно, вспомнил о своих детях, возможно, в начале войны ему хотелось проявить великодушие "освободителя угнетаемых большевиками белорусов". Он высокомерно кивнул, соглашаясь на этом прекратить экзекуцию.

Детей и взрослых загнали в комнатушку расположенного неподалеку барака. Ног и рук мы уже не чувствовали. Замерзли и души: мы не плакали. Малыши сбились в кучку, стремясь согреться. Дети постарше молча смотрели в окно на горящий дом. Вдруг в одном из окон появилась фигура человека. Мгновенно раздалась автоматная очередь. Фигура сползла вниз, а мы закрыли руками глаза. Так мученически погиб Шавдия, которого за время лечения мы стали воспринимать как родного человека.

Это был второй выстрел в мое детство. Страшно болели отморозенные ноги, впереди — холод и голод. Мы забыли, что значит улыбаться.

Когда пожарище остыло, бабушка откопала обгоревшие кости Шавдии, сложила их в коробочку и похоронила под кустом сирени, запретив нам играть поблизости...

Тетю Марусю немцы расстреляли. Двоих детей забрала ее мама. Наша мама тоже погибла в застенках гестапо. Бабушка привезла ее тело, нашедшее последний покой на деревенском кладбище. Потом люди рассказали нам, что женщину, выдавшую партизана и соседей, судил военно-полевой суд.

Испытания для бабушки на этом не закончились. Она проводила на фронт троих сыновей. Двое погибли. Вернулся один. Он и хоронил мать, ушедшую в 1961 году с чувством исполненного долга: поставила на ноги внучек-сирот, помогла им получить высшее образование.

Наша жизнь — это наш долг перед святой памятью о жертвах Великой Отечественной: дедушке, маме, двух дядях. И еще о миллионах неизвестных героев войны.

От редакции. После войны Елена Бройдо окончила Белорусский государственный университет. Переехала в Лунинец, где работала преподавателем. Сейчас Елена Михайловна на заслуженном отдыхе.